

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44
М29

Holly Martin

THE SUMMER OF CHASING DREAMS

Copyright © Holly Martin, 2019

This edition published by arrangement with Lorella Belli Literary Agency Ltd.
and Synopsis Literary Agency

Перевод с английского *Елены Мигуновой*
Художественное оформление *Юлии Девятовой*

Мартин, Холли.

М29   Лето мечтаний / Холли Мартин; [пер. с английского
Е. Я. Мигуновой]. — Москва : Эксмо, 2020. — 320 с.

ISBN 978-5-04-111894-5

Ева живет в Лондоне. Она разрабатывает дизайн обложек, работая из дома в уютной пижаме. Тихий и спокойный образ жизни вполне устраивает Еву, и она не спешит исследовать мир, пока, разбирая вещи после смерти матери, не обнаруживает список желаний, которые та не успела осуществить. Ева решает вооружиться деньгами, которые ей завещала мама, и отправляется в кругосветное путешествие.

Она нанимает симпатичного гида Тора, отношения с которым первое время не ладятся. Париж, Амстердам, Венеция. По мере того как меняются города, напряжение между героями становится все сильнее, а симпатия — очевиднее.

Добрый, остроумный, веселый Тор. Что это, Ева? Романтическое приключение или любовь?

УДК 821.111-31
ББК 84(4Вел)-44

© Мигунова Е., перевод на русский
язык, 2020

© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2020

ISBN 978-5-04-111894-5

Глава 1

Далеко за полдень Ева Блу неторопливо шла по Клементайн-авеню, и в спину ей светило весеннее солнышко. По стенам домов и кованым изгородям вились растения из подвесных корзинок и горшков, и недавно распустившиеся на них цветы весело подмигивали Еве. На яблонях и вишнях уже набухли почки, но до начала пышного цветения оставалась еще не одна неделя. С забора небольшого общинного сада¹ в середине улицы зазывно свисали ветви, даря дразнящий намек на тайны, лежащие там, за закрытой калиткой.

Когда Ева была маленькой, они с мамой бывали там, лежали на траве, а лепестки цветов медленно падали на них, словно конфетти. Ее мама любила цветущие деревья, но всегда грустила, когда цветы увядали и умирали, не успев распуститься. Много времени прошло с тех пор, когда Ева в последний раз побывала в общинном саду. Давным-давно ее мама надежно спрятала ключ от калитки, и больше его никто не видел — как, впрочем, и многие мамины вещи, которые терялись и оказывались в самых неожиданных местах. Ева нежно улыбнулась, вспомнив, как часто, заскочив к маме, она обнаружива-

---

¹ Доступ в такие распространенные в Англии сады или небольшие парки имеется только у жильцов окрестных домов.

ла, что та снова запихнула куда-то мобильник, ключи, кошелек или список покупок.

При этом Джульетта помнила тысячу разных вещей, которые должна была переделать. Она занималась йогой и зумбой¹, брала уроки сальсы и акробатики на шесте, а еще занималась живописью, гончарным делом, изготовлением мозаики и ювелирных украшений. Повсюду валялись какие-то незаконченные штучки — недописанные картины, раскрашенные наполовину глиняные горшки. Она была взбалмошная и безалаберная, вечно витала в облаках.

В пропаже вещей мама всегда винила Глэдис — привидение, которое, по ее уверениям, жило в доме. Хотя, если не считать таинственного исчезновения предметов, Ева никогда не замечала в доме никаких следов призрака. Сама Джульетта тоже ни разу его не видела, но это не мешало ей вешать на бедняжку Глэдис всех собак. Джульетта иногда разговаривала с Глэдис, советовалась с ней и, хотя никогда не получала ответа, все равно заявляла, что беседа с Глэдис помогает ей в решении любых проблем. Иной раз Еве приходила в голову странная мысль: а что, если Джульетта с Глэдис сейчас где-то вместе — хулиганят и веселятся напропалую?

Ева поднялась по каменным ступеням на крыльцо четырехэтажного викторианского дома, где раньше жила мама, и открыла синюю входную дверь. Тихо прикрыв ее за собой, она некоторое время вслушивалась в полную, абсолютную тишину. Если мама стала-таки привидением и громыхала где-то цепями, то определенно не здесь. Здесь не было жизни, ничего, что напомнило бы Еве о яркой и полной энергии женщине, какой была

---

¹ З у м б а — танцевальная фитнес-программа на основе популярных латиноамериканских ритмов.

Джульетта. В этом доме всегда играла музыка: то классика, например Бетховен, то современная, вроде Эда Ширана или Кельвина Харриса, то подборка «Аббы» откуда-то из семидесятых, а то и саундтреки из мультфильмов и мюзиклов — «Король Лев», «Злая» или «Отверженные». Часто в гостиной звучала одна мелодия, а с кухни неслась совершенно другая. Ну а мама, порхая в танце из комнаты в комнату, громко напевала что-то третье под оркестр, звучащий только в ее голове. Она всегда танцевала.

Яркие краски остались — стены в комнатах были разноцветными, всех оттенков красного, фиолетового, бирюзового с золотом, — но даже они, казалось, потускнели без той, чьи любящие руки их красили. У себя Ева тоже любила яркие акценты в виде брошенной на диван необычной подушки или красочных картин на стенах. Но у мамы яркость царила всюду. Все двери были покрашены в разные цвета и покрыты блестящим лаком, ковры и мебель были таких расцветок, которые Еве никогда не пришлось бы в голову поместить рядом; но каким-то непостижимым образом все это уживалось, и неплохо.

Еве не хватало духу перекрасить стены, хотя ясно было, что придется, когда дело дойдет до продажи квартиры. Она выбрала бы что-то нейтрально-практичное — неброский кремовый или цвет топленого молока, как в ее квартире. Но замазать этот калейдоскоп означало убрать последние воспоминания о маме в доме ее детства. Даже подумать об этом было невыносимо.

В последние несколько месяцев Ева упаковывала по-немногу жизнь своей мамы: отдала одежду в благотворительные магазины, сложила в коробки любимые Джульеттины безделушки и перевезла кое-что к себе домой, распродала мебель и картины. Это было разумно. Порой Еве приходило в голову переехать в дом, где прошло ее

детство, но это было бы непрактично — зачем такой большой дом ей одной?

Ева досадливо поморщилась. В последнее время ее стала немного раздражать вот эта собственная рациональность и практичность.

А вообще-то было бы интересно перебраться сюда, жить с воспоминаниями о том, как они пекли на кухне пироги, как она помогала маме расписывать стены детской жирафами, слонами, львами и тиграми, как они устраивали водяное побоище в саду, как, лежа вместе на диване, смотрели фильмы. Их с мамой жизнь заполняла собой все пространство, каждый уголок каждой комнаты. Ева даже родилась здесь, в маминной спальне, двадцать семь лет назад — она тогда так торопилась выглянуть на свет, что не дождалась бригады медиков. Правда ли она хочет снова здесь поселиться? А душа болеть не будет? Или это способ сохранить связь с мамой именно теперь, когда воспоминания понемногу начинают блекнуть? Сегодня утром у юристов Ева обсудила это с Лорел, своей любимой тетей. Сама Лорел считала, что Ева должна сохранить дом, но, безусловно, оставляла решение за племянницей.

Еве не хотелось решать, но шло время, завещание было оглашено, и с сегодняшнего утра дом официально принадлежал ей и был в полном ее распоряжении, как и огромная сумма в двадцать шесть тысяч фунтов, составлявшая половину состояния ее мамы. Другая половина была завещана сестре Джульетты, Лорел.

Ева понятия не имела, что ей делать с деньгами. Года четыре или пять назад они пришлись бы очень кстати. Ева была художницей, занималась живописью и немного оформлением книжных обложек — только как подработкой, позволяющей покрыть расходы на краски и полотна. Жила она в крохотной съемной квартирке, еле сводя концы с концами. Но потом, неожиданно для са-

мой Евы, ее карьера в дизайне обложек вдруг стремительно пошла в гору, так что вскоре она смогла приобрести небольшую двухкомнатную квартиру. Она быстро стала одним из ведущих дизайнеров-оформителей книг, приобрела известность среди книгоиздателей, и ее работу неплохо оплачивали. Всего несколько месяцев назад, после долгих лет строгой экономии, она даже сумела выплатить ипотеку. Что и говорить, богачкой Ева не стала, но у нее не было долгов — ни кредитов, ни ссуд, — так что в деньгах она не *нуждалась*.

Казалось неправильным, что Ева получает выгоду от маминой смерти, ведь она была готова заплатить в сто раз больше, чтобы только вернуть ее. Прошло уже семнадцать месяцев с тех пор, как умерла Джульетта, и, хотя Ева была уверена, что боль не утихнет никогда, постепенно ей становилось немного легче справляться с горем.

Деньги она решила положить в банк на вошедший в пословицу черный день.

Ева посмотрела на фотографию в рамке у подножия лестницы. Нью-Йорк. Место, где ни мама, ни она сама никогда не были. Этот снимок был повешен здесь, чтобы напоминать о мечте, которая однажды может стать явью, — так, во всяком случае, говорила мама. Глядя изо дня в день на это фото, Ева тоже умирала от желания оказаться среди огней этого большого города. Джульетта рассказывала ей о ресторанах и магазинах, которые открыты круглосуточно, так что при желании можно пойти и купить себе пару кроссовок хоть в три часа ночи. Джульетта перечисляла разную еду, которую там можно попробовать, описывала красоты и запахи города. Она часто повторяла, что в один прекрасный день они с Евой отправятся туда вдвоем, но этого не случилось, а теперь было слишком поздно. Хотя... а что, если потра-

тить часть денег и съездить туда на выходные? Боже, как взволновала ее эта мысль — но в то же время и испугала.

Уж слишком не похожа была Ева на свою маму. У мамы был великолепный, как у певицы, голос, она прекрасно танцевала. А когда пыталась запеть Ева, казалось, что где-то душат кошку, и двигалась она неуклюже, и была напрочь лишена чувства ритма. Джульетта была высокой блондинкой, изящной и гибкой. А Ева — маленького роста, с темными волосами, а ее фигуру только с натяжкой можно было назвать аппетитной, потому что больше она тянула на грушевидную.

Но самым большим отличием было их отношение к жизни. Джульетта умело хватала жизнь за рога, ловко оседлывала и, задорно улыбаясь, неслась вперед на этом необъезженном бычке, с ковбойской шляпой в одной руке и бокалом вина в другой. Она хваталась за любую возможность, никогда ни от чего не отказывалась, хотела побывать во всех уголках земли. Легко заводила друзей, с удовольствием вступала в разговор с совершенно незнакомыми людьми. Ева предпочитала собственное общество, радовалась возможности провести вечер дома и, признаться, немного побаивалась большого мира за пределами ее маленького мирка. Она же смотрела новости — мир был жесток и пугал ее. И хотя в нем были такие места, как Нью-Йорк, где Ева мечтала побывать, ей всегда представлялось, что она едет туда с кем-то. У нее, застенчивой и неуверенной, было не так уж много друзей, а те, что имелись, все были семейными и с детьми. В то, что можно среди них найти компаньона в поездку, верилось с трудом.

Для подрастающей Евы каникулы с мамой всегда были немного катастрофой. Уж слишком разного они ждали от этих поездок. Джульетта не понимала, что это за отдых — лежать на шезлонге с книжкой.

Мама брала напрокат грязный джип и, усадив в него Еву, колесила по тряским горным дорогам, чтобы посетить какой-то монастырь, расположенный на головокружительной высоте в крохотной деревушке. Они катались на гидроциклах и квадроциклах, ездили по канатной дороге и без седла верхом на лошадях, занимались серфингом: Еве все это было, мягко говоря, не близко. За годы участия в маминых сумасбродных затеях она столько раз ломала себе кости, что сбилась со счета. Евина вера в то, что мама ее сбережет, постепенно разрушалась, пока не исчезла окончательно.

Став старше, Ева ни разу не отважилась отправиться куда-то вместе с мамой. Джульетта присылала ей открытки из каждого места, где побывала: иногда она успевала нацарапать несколько торопливых строк, прежде чем отправиться навстречу новому приключению. Иногда текста было очень много, мама старалась втиснуть на одну открытку всё, и слова выходили до того мелкими, что не прочесть. Каждое письмо заканчивалось стандартной фразой: *«Мечтаю, чтобы ты была здесь, со мной»*. И Ева знала, мама действительно этого хотела.

Но она на мамины уговоры не поддавалась, оправдываясь невозможностью оставить работу. Теперь она горько жалела об этом. Она готова была гонять на заднем сиденье мотоцикла, мериться силой с крокодилом, прыгать с тарзанки с самого высокого моста — только бы еще разочек обнять маму, еще раз проболтать с ней всю ночь над миской бананов с заварным кремом.

Снова взглянув на мерцающие огни Нью-Йорка, Ева покачала головой. Нет, она ни за что не решится поехать туда самостоятельно. Наверное, деньги лучше вложить в какие-нибудь ценные бумаги. Она распорядится ими разумно, в этом не было никаких сомнений, и не натворит глупостей.

Ева стала подниматься по лестнице, вдоль которой были развешаны фотографии, причем ни одна из них не висела ровно. Здесь было много снимков закатов и рассветов. Джульетта обожала красивые рассветы и закаты. Она говорила, что рассвет — это начало, а у нового дня безграничные возможности. И еще она говорила, что красивый закат — это превосходное завершение удачного дня.

Нужно было упаковать и забрать эти фотографии, последнее подтверждение того, что в этом доме жила ее мама, но Ева решила, что это подождет до завтра.

Около одного снимка (где мама сидела, оседлав массивный «Харли-Дэвидсон») Ева постояла, улыбаясь.

Когда Еве позвонили и сообщили о маминной смерти, это не стало для нее полной неожиданностью. Новость разрывала сердце, конечно, но не была сюрпризом, учитывая, как Джульетта жила в последние годы. Прыгала с тарзанки, каталась на слонах, обнималась с львами, летала на дельтаплане. Ева почти ждала, что раздастся звонок и ей скажут, что мама больше никогда не вернется домой. В конце концов ее сбил автомобиль — довольно прозаичный конец для столь яркой и колоритной личности, какой была Джульетта. Она всегда говорила, что смерть ее будет стильной и произведет такую сенсацию, что про нее напишут в газетах. Увы, она не получила даже этого.

Ева поднялась на самый верх, прошла по комнатам, проверяя, не осталось ли в них чего-то, что делало просто дом ее родным домом. Единственным местом, которое оставалось осмотреть, был чердак под крышей, и Ева не знала, что там найдет.

Когда в детстве Ева здесь жила, чердак был местом для хранения елочных украшений, и только. Ева никогда туда не поднималась, да и мама тоже, насколько она

помнила, так как лестница сломалась еще в Евином детстве. У Джульетты все не доходили руки ее починить. Ева надеялась, что найдет там несколько коробок с мишурой и шариками, так что много времени разборка не займет.

Еще несколько дней назад Ева предусмотрительно одолжила у Лорел стремянку, которая ждала ее наверху. Расставив конструкцию, девушка осторожно поднялась, отодвинула щеколду и отступила, чтобы распахнувшаяся дверь ее не задела.

В воздухе летали пылинки, как будто их выпустили на волю из этого всеми давно забытого места. Вот если бы так выглядела ее обложка к детскому фэнтези, подумала Ева, то книга была бы полной тайн и уносила бы читателя в дальнюю страну, а в таком интерьере мог скрываться забытый артефакт, наделенный сверхъестественной силой, а может быть, даже упавший с неба ангел, прячущийся в ворохе паутины. Практичный ум Евы подсказывал, что на самом деле таких сокровищ здесь нет и быть не может.

Ступив на пол чердака, она огляделась.

Небольшое вентиляционное отверстие пропускало тончайшие золотые нити света, и они косо падали на пыльный дощатый пол, но в целом чердак тонул в темноте. Пошарив, Ева нащупала на стене выключатель. Под потолком зажглась одинокая лампочка, но свет, как ни странно, залил каждый уголок.

Ева сразу заметила три аккуратно сложенные прозрачные пластиковые коробки, сквозь стенки которых явно угадывались шары и другие елочные украшения. Рядом, прислоненная к балке, стояла старая искусственная елка. Ближе к двери на полу стояло еще несколько коробок. Одна, наверное, была набита детской одеждой разных оттенков розового цвета. В другой могли лежать

все старые игрушки Евы, даже сломанные. Кроме них, ничего особенно интересного вокруг не было.

Ева еще раз осмотрела чердак. Нет, таинственного артефакта со сверхспособностями явно нет. Значит, дело займет у нее даже меньше времени, чем она рассчитывала.

Она подошла к коробке с детскими игрушками и осмотрела несколько лежащих сверху. Там было две куклы с волосами, выкрашенными в зеленый и голубой — спасибо набору фломастеров. Ева улыбнулась, вспомнив мамину реакцию на новые кукольные прически. Джульетта провозгласила двух кукол русалками, и они вдвоем провели вечер, кроя для них русалочьи платья.

Поворошив игрушки, она отыскала грязно-желтого вязаного ослика. Звали его, помнится, Джошуа. Ева всюду таскала его с собой, пока не подросла.

Она сняла сверху еще несколько игрушек, уж совсем младенческих, и обнаружила под ними конверт. Ева взяла его в руки, конверт оказался довольно тяжелым. Открыв, поняла, что это такое: первая поздравительная открытка ей от Джульетты. Она провела пальцами по блестящей ярко-розовой надписи: «Моей прекрасной дочурке». И улыбнулась маме и медвежонку на открытке, медвежонку, сжимающему в лапках цифру один.

Ева раскрыла карточку и вдруг тихо ахнула, увидев, что внутри страницы мелко исписаны.

Письмо ей от мамы. Не важно, что оно было написано больше двадцати шести лет назад. Несмотря на это, Ева вдруг почувствовала связь между ними, почувствовала остро и ясно, как прежде. А ведь она уже боялась, что эта связь, ослабев, исчезла.

Опустившись на ближайшую коробку, Ева начала читать, прижимая к груди Джошуа.

Лето мечтаний

Ева, родная моя девочка. Сегодня твой первый день рождения, и у меня так много надежд и пожеланий тебе. Я желаю тебе интереснейших приключений, от которых у тебя будет замирать сердце, благодаря которым ты побываешь на дальних берегах и в удивительных землях. Желаю тебе невероятного, огромного счастья, которое наполнит все твое существо, тело и душу. Желаю тебе великой любви, чтобы ты встретила с тем, кто будет тебя смешить, обращаться с тобой как с королевой и держать тебя за руку в этом чудесном путешествии по жизни. Найди то, что тебе понравится, что ты полюбишь, и занимайся этим. Жизнь слишком коротка, и мы никогда не знаем, что ждет за углом, так что будь легкомысленной и сумасбродной и никогда не бойся того, что подумают люди. Если кто и осудит, их мнение будет для тебя не важно, а те, кто будет важен, будут дружить вместе с тобой. Будь доброй, полной надежд, никогда не переставай учиться, читай все подряд. Будь храброй, девочка моя, и догоняй мечту. Я люблю тебя, моя милая! Мама xxx

На глаза наворачивались слезы, и Ева все водила пальцем по строчкам и перечитывала их снова и снова. Интересно, думала она, огорчал ли маму образ жизни, который ведет ее дочь, которая почти каждый вечер в десять часов забиралась в постель с чашкой горячего шоколада и хорошей книгой. Ни тебе больших путешествий, ни погони за мечтами. Большой любви тоже не было, да и легкомыслия ей не хватало. Что ж, по крайней мере, у нее есть любимая работа, так что хоть одно пожелание сбылось, вздохнула Ева.

Когда ее жизнь стала такой... серой и будничной? Куда девался тот восторг, за которым гонялась ее мама, наполняя жизнь риском, веселой сумятицей и смехом?